

Сергей Шоргин

ЗЕРКАЛО ДОРОГИ

Книга стихов

ВОДОЛЕЙ PUBLISHERS
МОСКВА — 2005

УДК 821.11/134-14
ББК 84(4)-5
Ш79

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

В оформлении обложки использована фотография В. Петрова
Литературный редактор И. Майгурова

Ш79 Шоргин С. Зеркало дороги: Книга стихов. — М.: Водолей
Publishers, 2005. — 96 с.
ISBN 5-902312-55-8
Аннотации нет!

УДК 821.11/134-14
ББК 84(4)-5

В этой книге собрана значительная часть моих стихотворений, написанных с 2001 года. Некоторые из них уже публиковались в первом моем сборнике «Игры слов», включавшем в себя переводы и стихи. В нынешнем издании мне захотелось поместить самые любимые стихи из первой книги — но их здесь совсем немного, меньше десятка...

К своему стихотворчеству я отношусь довольно сдержанно — во всяком случае, поэтические переводы считаю куда более серьезным занятием. Но поскольку стихи пишутся, и находят читателей, которые встречают их с интересом, я всё-таки решил издать основную часть созданного за эти годы.

Эту книгу, как и всё, что я делаю, я посвящаю своей жене Ирине.

Я благодарен Евгению Витковскому, без которого эта книга вряд ли состоялась бы, Василию Бетяки, Сергею Александровскому и многим участникам интернет-семинара Е. В. Витковского «Век перевода», где публиковались и обсуждались мои стихи. Кроме того, я благодарю тех, кому я обязан темами некоторых моих стихов, и тех, кто принимал участие в их обсуждении: Ирину Майгурову, которая вложила в эту книгу частичку своей души; Евгению Канищеву, Наталью Голованову, Елену Лазарчук, Анну Белкину, Анатолия Белкина, Олега Целищиченко, Михаила Сахарова — и многих других, перечисление которых заняло бы слишком много места.

ISBN 5 – 902312 – 55 – 8

© С. Я. Шоргин, 2005
© Е. В. Витковский,
послесловие 2005
© Водолей Publishers, 2005

КАК ПИШЕТСЯ**СУНДУК**

Кто-то давным-давно всё выдумал, сложили
всё в ящик, провертел в крышке дыру и
ушел...

А. и Б. Спирюгачики

Они уже написано давно —
Стихи, поэмы, повести, романы,
Они в сундук упрятаны, на дно,
И там себя читают постоянно.

Не тесен и не темен им сундук,
Но всё мечтают выбраться оттуда,
И ждут, что донесется крышки стук,
И их достанет кто-то из-под спуда.

Как в жизни, там на целый миллион
Пустых творений — лишь одно толково:
Искать ты можешь до конца времен
Средь пустословья — подлинное слово.

Мозоли напирая на руках
И продираясь сквозь колбочки злора,
Ищи его на ощупь и впотьмах,
Укрытое до времени от зора.

Оно тебя во мраке подождет...
Ищи же это чудо среди чужих!
И если слово руку обожжет —
То обогреть оно сумеет души.

октябрь 2004

КАК ПИШЕТСЯ**1**

Как в начале всякого пути,
Первая строфа — как первый шаг...
Где слова и рифмы мне найти?
Прозвучит ли музыка в ушах?

Но бывает: нужные слова
Сами появляются в строке —
Так же, как сама растет трава,
Так же, как вода течет в реке.

Нужно только подождать немного,
И слова пробьются — так всегда
Через грунт пробьёт себе дорогу
В твой колодец чистая вода.

Среди рифм, толпящихся у входа,
Всякий раз отыщется одна,
Схожая со вкусом кислорода,
Так что сразу чувствуешь: «Она!»

Я себя поэтом не зову,
Но, бывает, чувствую: опыт
Строчки — и во сне и наяву —
Начинают на душе звучать.

2

Слова придут издалека
И встанут на места,
И миг заполнится строка —
Та, что была чиста.

Был у страницы бледный вид,
Теперь она жива,

И мне, как эхо, повторит
Она мои слова.

3

Во сне приходит лучшие стихи.
Нечасто — лишь когда они хотят.
Стихи сквозь сон вполголоса звучат,
Как озеро, прозрачны и тихи.

Я слышу их — и знаю наперед,
Что наяву мне так не написать,
Что утро неизбежно опять
Ночные строки навсегда сотрет.

январь 2002

Я НЕ ПИСАТЕЛЬ...

Я не писатель; я — читатель
И книг прочтенных отражатель.
Я сочиняю временами
(И извиненья приношу).
Но — что же эти сочиненья?
По большей части — отраженья
Того, что писано не нами;
Я отражаю — не пишу.

Поэт? О нет! версификатор,
Но всё же — не фальсификатор.
Порой играю со словами,
Порой грустна моя строка...
Я иногда — мистификатор,
А также (реже) — провокатор,
Но чаще — просто индикатор:
К тому, что писано не нами, —
Насколько наша жизнь близка...

октябрь 2003

Я ПЕРЕВОЖУ

Евгению Витковскому

Слепой (*у светофора*). Скажите, сейчас
какой свет загорелся?
Прохожий. Зеленый.
Слепой. Переждите, будьте добры.
Прохожий. Пожалуйста: греем!

Александр

Теперь я понял — слава богу, —
Зачем над строфами сижу:
Да это я через дорогу
Стихи сюда перевожу!

Летят «гой-гойти», «мерседесы»...
А там поэмы, песни, пьесы —
На иноземной стороне!
До них добраться очень сложно:
Калитка заперта надежно,
А ключ поручен только мне.

Достану ключ. Слушится чудо.
Слова и рифмы я найду.
И я стихи сюда отсюда,
За ручку взяв, переведу!

октябрь 2003

ГРАФОМАНИЯ

Себя давно я чувствую виновником
Ненужного для жизни баловства:
Ищу я клад, разбросанный по словникам,
Ручкой ловлю пернатые слова.

Сам на себя гляжу неодобрительно
И прочих осуждение влеку:

Сижку сижку — и, верно, уморительно
Вымериваю пальцами строку.

Сплошной ущерб существенным занятиям;
Коллеги дружно заявляют: «Фел!»
Валию дурака — по всем понятиям:
Потеею над рифмовкою в строфе.

И вижу я плечами пожимание,
И слышу про писанье чепухи:
Но всё-таки — клянусь — из графомании
Порою получают стихи.

июль 2004

САМОРАЗДЕВАНИЕ

Давно ведется меж поэтами —
И нет без этого поэтики —
Делиться в опусах секретами,
Всем раскрывать свои секретки.

От самораздеванья этого
Звучит в твореньях удовольствие;
И у творца самораздетого
Достанет средств на продовольствие,

И на питье, и на лечение:
Все любит чтение приворотное!
Как в Варьете — разоблачение,
Фатотное и бегемотное!

Безмерное раскрепощение,
Да и страховка от безвестности!
И смотрят люди в восхищении
На голых королей словесности.

июль 2004

НАВЕЯННЫЙ СОНЕТ

Я брошен навзничь — или, может, ниц?
Лежу — и недовольно позой тело,
И разуму в сей позе нету дела
До пары недописанных страниц.

Нет, верно навзничь! — ибо вижу птиц,
Что носятся по небу ошалело,
Поскольку это небо обделено
Без пары неслегенных небылиц.

Кто виноват в падении? Бог ведь,
Но надо приподняться — надо сесть —
Еще собратясь с силами немного —

И встать. К письму вернуться своему —
И отыскать причины самому,
И не просить давать ответы бога.

август 2004

БАЙТЫ НЕ ГОРЯТ

Поэты, — старые стихи
не прячьте, а сжигайте сразу.

Елена Лиздрчук

Заглянул я в старый каталог: что ни стих, то слаб и непригож;
Этот — мойдопырно кривоног, этот — квазимодно кривонож;
Надо в этом выправить размер, в этом — строже выстроить

Слова:

Ну а с тем — не хватит полумер, в нем — ни существа,

ни вещества;

В этом — ныне непонятный пыл; этот — так давно

не вспоминал;

В этом я и вовсе позабыл некогда придуманный финал.

И когда ж я это написал? Год назад... а это — даже три...
 Крайне бестолковый капитал накопился, что ни говори.
 Не грустней писал, не веселей: есть про утро, есть и про закат...
 Ну а вот и вовсе юбилей — пятилетний полуфабрикат.
 Ведомо: в другие времена был камин, и печь недалека;
 Лядь — бумага сразу сожжена, если дописал до тупика.
 А теперь, когда поручен труд не перу и не карандашу,
 Строки не сторгят и не умрут. К ним вернусь — и, может,
 допишу...

январь 2005

МНОГО-ТОЧИЕ

На распутицу не пеняйте,
 Заблоченность и амбре:
 Как три корнера — враз пенальти,
 Как три точки — глядишь, тире.
 По-мазайски спасая заек,
 Кочку какжую посетив,
 Что-то выложу из мозаик —
 Точку выставлю супротив.
 Много-точие — сумасбродство,
 Каждой точке цена — пяттак.
 Претендентство — не первородство,
 Не за суп отдано — за так.

Точко-творчеством занята,
 Ставит кликсы, дрожит рука,
 А за точкою — запята...
 Дальше что? Не видать пока.

февраль 2005

К ЗАБЫТЫМ СЛОВАМ

ЭХО

С благодарностью — поэту

Вступление

Досада будет ли, потеха —
 Я и на худшее готов.
 Но знайте: перед вами эхо,
 Неверный отзыв давних слов.

Строка любя — словно веха
 Была когда-то. Но — давно.
 А нынче — воззвратилось эхо:
 Вот так мерлительно оно.

Не жду какого-то успеха,
 В чужой не прорывалось цех.
 Все просто: появилось эхо,
 И ни к чему иной успех.

На строки в поисках ореха
 Пускай набросится мастак:
 И всё же вслушивается в эхо,
 Надеюсь, кто-то просто так.

1

Я знаю любовь земную,
 Рассветную и дневную,
 Вечернюю и ночную,
 Что рядом совсем живёт;
 Она шелестит лесами,
 Она летит с облаками,
 С гитарой идет дворами,
 Не причется в толще вод.

А если и есть такая,
 Что спит на дне, ожидая, —
 Ее достают, ломают
 И ногти, и пальцы о лед;
 Она в глубине таятся,
 Она не станет клубиться,
 Кому холодна волица —
 Тот вряд ли ее найдет.

А рифма не даст спасенья,
 И Будда не даст воскресенья,
 От бритвы нет потресенья,
 И мудрость здесь ни к чему.
 Любовь — хитрее химеры,
 Она не ведает меры,
 Она не требует веры...
 Чего же — сам не пойму.

2

Неукротима жизнь, пока
 Есть у души немало дел.
 Строка, строка, строка, строка...
 Пробел.

Пробел — он, как тенета, ждет;
 Как тихий выстрел — наповал.
 Полет, полет, полет, полет...
 Пробал.

Провал — как будто тихий дом.
 Застрянешь там — и ты погиб.
 Подъем, подъем, подъем, подъем...
 Прогиб.

Но помни: пауза — на срок,
 А парус — вечен впереди.
 Сквозь мглу пробега к свету строк
 Пройди.

3

Сквозь сон мы слышим сказочки вдали,
 И вряд ли вспоминаем, просыпаясь...
 Кто был во сне: принцесса, король? —
 Они от нас уходят, не прощаясь.
 Нам днем уже не встретятся следы
 Ночного благородства и уродства,
 Несчастья ночного и беды,
 Безумного ночного донкихотства.

У ночи есть прекрасные права
 На речи, что промолвятся в молчанье,
 Во сне порой находятя слова,
 Которым днем не суждено звучанье.
 И если приключится не во сне
 Событие, которое не ждалось, —
 Наверное, оно когда-то мне
 Прирезилось, приснилось, показалось.

4. Дитя без стичек

Любовь — вот случай удивительный
 (Такая, верно, лишь одна) —
 Была ребенок расудительный,
 Не по годам была умна.

Сама сказала про рождение,
 И не пылала — но росла,
 Старалась не будить сомнения
 И спичек в руки не брала.

Бывали впадины с провалами,
 Не всё сошлось и удалось;
 И с нами, словно с годовальными,
 Ей много ничуться пришлось.

Вот напряженье непомерное —
 Не обжигая, но света,

Нас и себя спасало верное
И невоспетое дитя.

Любовь домашняя, безвестная,
В стихи и в песни не рвалась;
Не слишком, верно, интересная,
Не потрясла — но удалась.

март-июль 2004

ИЗ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ

И. Ш.

Три вещи неспстижимы для меня, и четы-
рех я не понимаю:
Пути орла на небе, пути змея на скале, пути
корабли среди моря и пути мужнины к де-
вице.

Притчи 30:18,19

Три явленья зовут размышленья мои,
А четыре — я не понимаю:
Путь орла в небесах, путь по скалам змеи,
Долгий путь корабля вдоль лазурной струи;
Путь в разлуке с тобой, дорога.

Три свершенья наступают — я слово даю,
О четвертом — судьбу умоляю:
Небо примет орла, скроког камни змею,
Судно в гавань однажды вернется свою;
И ты встретишь меня, дорога.

март 2003

ВОСЕМЬ СТРОК О ТЕБЕ

И. Ш.

Жизнь моя, мой перстень золотой,
Боли испеленье и покой,
Ты простой красива красотой,
Словно эта рошца за рекой,

Словно эти синие цветы,
Словно это небо над сосной...
Счастье и любовь — всегда просты.
Мне так просто, если ты со мной.

июль 2004

МОЕМУ ОЦУ

Уверенность, что всё вокруг — как надо,
Достоинство, наивность, доброты:
В тебе при виде чванного скота
Не возмущенье было, а досада.

Недуга постоянная осада,
Негласковость анкетного листа:
Жил без креста — но эти два креста,
Не жалуюсь, ты нес по жизни смлада.

Не ведал настроений чemoданных
И не искал земель обетованных,
Негибашую родину любви.

Я всё твоей высокой мерой мерю,
И дай мне бог, в которого не верю,
Чтоб никогда я не подвез тебя.

август 2004

Я ПРИШЕЛ ИЗ ВЧЕРА

Не такие тут дни, не такие совсем вечера,
 Как бывали вчера, но туда не вернуться теперь.
 Я пришел, чужой, я в сегодня пришел из вчера.
 Я пришел из вчера, и за мною захлопнулась дверь.

Этой новой страны мне неведом закон и язык;
 Ошибиться боюсь: от ошибки не будет добра...
 Но и в милom вчера я всего опасаться привык,
 И хожу, озираясь, я так же, как в милom вчера.

Закоулки я знал, знал я все обходные пути,
 Изучил все уловки, хоть были ловки пуллера...
 Нету прежних уловок — ну как сквозь ловушки пройти?
 И идет по-другому, совсем по-другому игра.

Не такая по цвету по запаху стала листва,
 И трава, и цветы... На кого же, скажите, пенять?
 Да, я слышу всё те же, всё те же, всё те же слова,
 Но значения слов не понять, не понять, не понять...

Я проникну в законы, смогу избежать западни,
 Поклонюсь незнакомым, недобрым, чужим божествам.
 Я расставлю слова. Пусть не будут понятны они —
 Может, завтра значенье вернется к забытым словам.

ноябрь 2004

ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА ДОРОГИ

И знали мы, что этими руками
 Мы разобьем скалу и раздробим гранит,
 Что кровью нашею и нашими костями
 Проложим путь прямой, и тем путем за нами
 Придет добро, мир правды озарит.

И. Франко, «Каминеломы»

Я шел через знику, я шел сквозь лето:
 Хотел отыскать я живую воду —
 Для всех, понимаете вы, для всех!
 Я шел по дороге, где много света,
 Я шел от заката, я шел к восходу,
 И верил: обратно вернуться — грех.

Я шел по дороге, где много света,
 И мне всё казалось — прощу, поверьте! —
 Что ближе и ближе волшебный сад...
 Но тут *мне сказали: дорога эта*
 Меня приведет к океану смерти,
 И я с полпути повернул назад.

И тут мне открылось: всему виною
 Вожжи, камнегомы и землекопы,
 Что путь проложили такой прямой.
 И с этого часа передо мною —
 Кривые, глухие, кружные тропы,
 И свет над дорогой сменился тьмой.

И с этого часа ищу дорогу —
 Не ту, что пряма как стрела и шпала,
 Не ту, что сияет, вперед мана.
 Нет царской дороги к тому чертогу,
 Где льется по камню живая влага;
 В конце же дорог прямых — западня.

Нет царской дороги сквозь те липенья,
 Которых никто миновать не сможет,

Идуший на встречу с живой водой.
По пыльным задворкам — мое движение,
И каждая тропка печали множит,
И каждый проселок трезит бедой.

По пыльным задворкам — без сожалений;
Нужды я не вижу ни в чьей защите:
Я сам себе выбрал такой маршрут.
Но ломит колени от одолений,
Но манят простые пути (простите!),
Простые решения так зовут...

Да, ломит колени, и глаз с тоскою
Лядит на просветы в окрестной чаще,
В которые виден дорожный свет.
Там мчатся машины сплошной рекою,
Порою — реке, порою — чаще;
У тех, кто в машинах, сомнений нет.

Там мчатся по трассе, и там всё ясно:
Там только две краски, никто не хочет
Там черного пса хоть чуть-чуть отмыть:
«Кто мыслит иначе — всегда опасны;
В дороге никто нас не заморочит,
Дорогу бы надо еще спрямить».

Всех тех, кто не с нами, утащат черти,
А мы, безусловно, достигнем блага —
Дорога проложена нам давно...»
И мчатся они к океану смерти,
Их путь неуклонен и прям, как шпага, —
А я — по околицам, где темно.

И мчатся они, и мое ли дело
Сбивать их с дороги прямой и чистой
И их вдохновенный ругать азарт?
Туда, где струится ручей несмею,

Шагало дорогой своей кремнистой —
Хоть сто лет, хоть двести, хоть миллиард...

декабрь 2004

ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Елене Лазарчук

1

Не буду тревожить бога я,
Не вспомню науки сложные,
Ох, знаю я столь немного,
И знания — надеждыные...
Из крабов фальшивых палочки
Готовятся до готовности —
Какие уж там считалочки!
Какие уж там духовности!
Вот сыр, наконец, расплавится:
Вот злой толпою знаковой
Все крабы из печки вытисся
И свистнут на горке лаковой.
Духовность — эрзац душевности,
Наука — ничто пред ужжином,
Небесность — здесь, в повседневности,
И рай — он пока не нужен нам.

2

Сколько по темечку нам барабанили:
«Делайте жизнь под *Сего*, с *Того*», —
Нынче забыли, забыли, забанили,
Вместо — шаманство и шутство.

Нынче друтисе и *Те*, и *Прочие*,
Кары экрана, крапленый рок...

Но на экране — вблизи — воочию —
Строятся несколько кратких строк.

Ровные — ровно как те, кленовые,
Что по утрам пробуждали гром.
Вижу — и, кажется, слышу — снова я
То, что ни словом и ни пером...

Строчками, строфами, рифмами, ритмами
Я отрываю свое родство
С правдами, кривдами, клятвами, бритвами
Оккама — или братвой его.

С возрастом сущностей не убавилось,
Есть еще время — хотя в обрез...
Бритва ступилась, в чулан отправилась.
Оккам сносился. Жиллет рунел!

январь 2005

НАВЕЯННОЕ

Антонино Беллини

Среди тех, кто привычен искать господина
На земле, в небесах или где повернется,
Я брожу не взыскуя. Сера середина,
Но вода серебрится в глубинах колодца.

Не прошу понапрасну свободы, покоя:
Смысла нет к лотерее вызывать об удаче.
И про завтра не вздумано думать с тоскою:
Завтра будет, как раньше. Никак не иначе.

февраль 2005

ЗАЕЗЖИЙ АКРОБАТ (снова перепев)

Заезжий акробат взлетает над багрятом,
Пружинящая ткань стара и нечиста...
А люди всё идут протоптанным маршрутом,
Им незачем смотреть на ловкого шута.

Он крутит свой узор легко и артистично,
Но ждет людей тепло и ужин на дому,
И люди под багют проходят безразлично,
И голову поднять им как-то ни к чему.

А он уже не ждет от них рукоплесканий,
Не ждет ни от кого заботы и тепла,
И нету никого в закрытых окнах зданий:
Никто не поглядит, у всех свои дела.

В каморке у него неубрано и сыро,
Нет в городе афиш, не прозвенит звонок...
Что миру до него, и что ему до мира?
Мир вертится и сам. И так же одинок.

январь 2005

Пса черного отмою добела,
Не стану пересчитывать у кассы,
И многократно битого козла
На волю нынче отпущу, в пампасы.

Лишь позову — и рыбка из пруда
Ко мне примчится, пробивая льдину.
Сплю на краю. Не лягу никогда
На псевдозолотую середину!

Крыловым буду пичкать соловья —
И грустно прозвучит из каждой трели,
Что выдаст бог, что схавает свинья,
Что ларчик не откроется без дрели...

Но день придет — и выпадет коту
Вне расписанья масленица снова;
Как воробья, поймаю на лету
Я теплое, трепещущее слово.

январь 2005

ОТЪЛЕСКИ ОГНЯ

СВЯТОЙ ЖЕНЬВЕВЫ

Сад Люксембургский, прямо и налево
(Как будто на конверте адресок);
Корооч: как войдешь — наискосок.
И здесь тебя я встретил, Женьвева.

На этом месте, верно, был лесок.
В саду от статуй королевских тесно.
Но королевы мне неинтересны —
Я посижу вблизи тебя часок.

Твои деянья славные известны,
Но всё же меньше, нежели дела
Марии, Марго и прочих... Ты веда
Себя не занимательно — но честно.

Вот потому ты, верно, не была
Описана Дюма или Дрюоном —
Не шла по трупам к золоченым тронам,
Врагов и не травила, и не жгла.

Твой скромный храм помпезным Пантеоном
Самолюбивый заменил Париж.
И впрямь: кого смиреньем удивить?
Вся слава — митрам, шпатам и коронам
И (вряд ли добродетельным) матронам,
В кругу которых ты сейчас стоишь.

...
В четвереста... (году каком же, бишь?) —
Ну, скажем так: в четвереста мохнатом
Году Аггила дал приказ солдатам
И двинулся захватывать Париж.

А может, это сказки всё — с захватом...
 Париж, пожалуй, был тогда дырой.
 И, вероятно, злобных гуннов строй
 Его бы не заметил. Но прелатам
 И горожанам — вместе с магистратом —
 Казалось, что на них идет герой.

Когда возник у горожан настрой:
 «Бежим! Не то погубит нас Аггила!» —
 Ты их остаться здесь уговорила.
 Они тебе поверили уныло,
 Дрожа и богохульствуя порою.
 Аггилу ждали битвы — и мотила...
 Прошел он мимо — ради главных дел.
 Париж остался невердим и цел.
 Таких чудес ты много сотворила.

...

Но не затем я на скамейку сел,
 Чтоб вспоминать все эти достижения —
 Нет, почему-то вызвали волнение
 Твои одежды — бельё, как мел.
 Была ты, Женева, без сомнений,
 Вот так, как эта статуя, белая:
 А гуннская орда была смуглая.
 Но хоть орда по Галлии прошла —
 Не изменило цвета население.

Теперь иные в Галлии дела...
 Кого сюда ветрами не заносит!
 И Франция, цвет лилии отбросив,
 К апохе многоцветия пришла.

...

В саду — вот здесь же! — некогда Иосиф
 (Не тот, что сын в Египте толковал,
 А тот, что срок на Севере могил)
 Вродил. Он был большой эксперт в вопросе

Писания сонетов. Написал
 Он их твоей соседке два десятка,
 И в них он сладкозвучно и некрятко
 Ее *инфис* и *печи* восхвалял.

Его я вспомнил просто для порядка,
 Поскольку в категории иной
 Творил он. Но писал он лишь к одной
 Из этихних дам — и весело, и гладко.

А мне вот интереснее с другой
 Беседовать из дамской группы этой.
 Но не умею я писать сонеты,
 Хотя и рифмую кое-что порою.

...

Вот так — когда постранствуешь по свету,
 Увидишь (и увиденному рад!)
 Описанное в книгах. Этот сад —
 Один такой. Ему подобных нету.

Здесь пруд. Фонтан с драконом. И Сенат.
 И статуи — принцессы, королевы...
 Я знаю — всех главнее Женева!
 А прочнее.. Ну ладно — пусть стоят.

июнь 2003

ЕРУСАЛИМ

Скажи мне, добрый человек,
 Где град Иерусалим?

Н. Волгинцева

Сын дьячка в селенье под Рязанью,
 Прамотен, печален, нелюдим,
 С детства низусть учил Писанье
 И мечты попасть в Ерусалим.

Он над Книгой горбился часами;
И ни зла, ни помнил, ни обид,
Хоть за чтење лишнее друзьями
И оптом бывал нещадно бит.
И однажды, поколочен всеми,
Он лежал в сарае, недвижим,
И услышал голос: «Нынче время,
Отрок, встань. Иди в Ерусалим».

Он горбушку завернул в холстину
И пошел дорогой на восток.
Он путей не ведал в Палестину,
Но провидел: путь укажет Бог.
И пришел во град немалый, встречен
Непривычным шумом городским,
И спросил: «Ерусалим далеки?»
«Эка ты хватил — Ерусалим!

Что бесправно шествуешь пляхками?
В Палестину, глянтье, захотел...
Ну-ка, проходица — багатами!
Царь Иван пороть таких велел».
Багатами истерзали спину,
Словно с татем, поступили с ним...
Но собрался снова в Палестину;
Где же ты, святой Ерусалим?

Он спросил священника об этом:
«Как добраться в Палестину ту?»
Поп был зол и очень скор с ответом:
«Еретики! Ставить его в скиту!»
Царь Тишайший указал нам строго:
Нынче всех раскольников казним».
Скиг пылал... И дальняя дорога —
Нет, не привела в Ерусалим...

Попутру в густой траве оврага
Оборванца захватили отряд,
И сержант сказал: «Куда, бродяга?

Будешь строить на боготах град!»
Тот в ответ: «Я бит уже и порот,
Вышел из огня неопалим.
Суждено — так буду строить город,
Выстрою — пойду в Ерусалим!»

«Мы с тобою были под Казанью,
Были мы на дыке с тобой,
Брось свои безумные мечтания!
Станешь воеводой над Москвой».
Но качнул соратник головою:
«Должен я идти путем благим.
Что мне воеводство над Москвою?
Путь мой, Емельян, — в Ерусалим».

Был он на Малаховом кургане,
Побирался, нездоров и худ,
Был и в Эривани, и в Тамани,
И во глубине сибирских руд,
При Цусиме спину под водою,
Был офицерье, неумолим,
Был и эком с Пятнадцат Восьмою;
Мол, хотел сбегать в Ерусалим.

Вот он, перед взором — пуп Вселенной.
Не напрасно пройден долгий путь.
Холм... Полуразрушенные стены...
Только шаг, всего один шагнуть...
Взрыв. Пахнуло жаром нестерпимо!
Кровь! Сей град не может быть святым...
Прочь пошел он из Ерусалима,
Чтоб искать другой Ерусалим.

И найдет — когда настанут сроки.
В град святой отыщет путь прямой.
И восседет на престол высокий.
Ангел встрюбит ему седьмой.

февраль 2004

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ

Опять изгнали... Возле врат
 Пророк страхнул песок с одежды
 И проклял нечестивый град,
 Где благоденствуют невежды,

И вновь по свету зашатад,
 К любви и правде призывая...
 Не сердце — черный уль, пылая,
 Давно в груди его стучал.

И наконец они нашлись —
 Те, что пророка услышали;
 Сердца их верой заплыли,
 Глаза надеждою зажглись.

Про тех, кто зло в душе таит,
 Они узнали и решили:
 «Любовь дает начало силе,
 И эта сила победит.

Явили вы свое нутро,
 Изгнав Учителя из града,
 Но мы и вам несем добро —
 Да, кулаками, если надо.

Как пал Содом и Вавилон —
 Да рухнет подлый город ныне!
 И пусть царит любви закон
 Среди развалин и пустыни».

И совершилось. Шумный град
 Понес расплату за неверье —
 И льется кровь, дома горят,
 Летят из окон пух и перья.

Взглянув на отблески огня,
 Пророк сказал друзьям устало:

«Они не слушали меня...
 И правда злобу покарала».

А за стеной, вдали дорог,
 Бред мальчик, ставший сиротой, —
 Голодный, с шеею худой...
 Что ж, упустил его пророк.

Смеркалось. Слезы стер с лица
 Мальчишка грязною рукою —
 И увидал перед собою
 Он шестикрылого гонца.

ноябрь 2001

ЭНЕЙ

Я из джега ушел...
В. Высоцкий

Я из Трои ушел, из горящих руин Илиона,
 Ничего не унес — только ноги, спасибо на том...
 Нету смысла в борьбе — так решил я, и очень резонно,
 И не буду грустить о решении этом потом.

Еще пожар троянский не угас,
 Но ясно, что кончается эпоха...
 Там хорошо, где нету нас сейчас,
 Придем — там немедля станет плохо.

Я не продал друзей, я их бросил задаром, бесплатно,
 И не станет никто в Илионе грустить обо мне.
 Я из Трои ушел, и не будет дороги обратно,
 Я поцарствую лучше в другой, отдаленной стране.

Не выставляю я горе напоказ,
 Отправляюсь тихо, без слезы и вдоха;

Там хорошо, где нету нас сейчас,
Приедем — там немедля станет плохо.

Коль не нравилось кому — я себя обожать не неволю.
Пусть родной Иллион нынче пламенем жарким объят,
Над отчизной моей пусть враги издеваются вволю, —
Их потомкам когда-то потомки мои отомстят.

Героев нет — я уверяю вас,
И сам Улисс — лишь жулик и пройдоха...
Там хорошо, где нету нас сейчас,
Приедем — там немедля станет плохо.

Я жену потерял, но увез невредимого сына...
Будет род мой в веках возводить и сжигать города!
Я по воле богов буду править землею Латина!
Тороплюсь, потому что на воду спускают суда.

О, лишь бы не солгал небесный глас
И в прорицаньях не было подвоха...
Там хорошо, где нету нас сейчас,
Приедем — там немедля станет плохо.

декабрь 2004

АГАСФЕР

Скитаясь, Агасфер не ищет дом,
Не просит у Слассителя прощенья;
Неведомыми силами ведом,
Идет путями переволпощенья.

Здесь — нынче, за морями — век назад,
Где нищим, где купцом, где богословом...
Он странствиям далеким только рад,
И новым именам, и судьбам новым.

Его всё помнить заставляет рок,
И в этом — наказанье и отпущье.
Вот исчерпает облоочки срок —
И новый век живет в другом обличье.

А сил не станет — он услышит глас:
«Встань и иди!» — и встанет он, не споря;
Пока он здесь — он зацпищит нас,
Пока он жив — не выйдет Зверь из Моря.

Он память челоуечества хранит,
И в этом — дело, кара и награда.
И никого он в этом не винит,
Да и себя. Назначен — значит, надо.

февраль 2005

ПО ПУТИ В ДАМАСК

Решительно и непреклонно в Дамаск он шагал налегке;
Послания Синедриона таились в заплечном мешке.

Хранителям слова Христова нес муки великие он;
По тракту из града святого шагали не простой почтальон...

Смеркалось... На связку соломы прилет отдохнуть иудей —
И снилось, как входит он в дѳомы, в темницы ввергает людей.

И вдруг небеса расколodились от вспышки живого огня!
И ласково вымолвил Голос: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?»

«Да кто Ты? — воскликнул Тарсянин, к очам прижимая ладонь. —
Твой голос и кротонок, и странен, но жажется Твой ясный огонь!»

Спросил — и, конечно, служкавил: он ведал ответ на вопрос...
«Я — Тот, Кого гонишь ты, Павел. Я — Сын Челоуечий, Христос».

Но где же почтение к чуду? Савл гордо воздел кулаки:
«Хологом Христовым не буду, всем чарам Твоим вопреки!»

«А Мне не потребны холопы, влекомые силой волшеб...
Есть умные, есть остолопы средь паствы — но это рабы.

Ты паству промнишь беспощадно: о, сколь твоя ноша трудна!
Неужто настолько отрядно идти тебе против рожна?»

Чтоб правого Бога восславил люд самых далеких сторон,
Рабы не помогут Мне, Павел, — но тот, кто силен и умен.

О ты, что доселе плутаешь, ты, истинной вере злодей, —
Ты верою сей напигашь и ближних, и дальних людей!»

И Савл потянул на сиянье, лицо открывая лучу...

«Ответь мне: за эти деянья — а что же я сам получу?»

И Голос раздался в пустыне: «Ждет слава тебя впереди;
Ты будешь первейшим отныне: гляди, и суди, и ряди!

Ты будешь святитель и воин. Но знай: по веленью судьбин
Ты мук на кресте недостоин. Как Римский умрешь гражданин».

Узнал он задачу и цену, услышал последний посул,
На небо взглянул дерзновенно. Подумал. И молча кивнул.

март 2005

НОВЫЕ ВАВИЛОНЫ

ПИСЬМА МОСКОВСКОМУ ДРУГУ (в соавторстве с Анатолием Белкиным)

Нынче солнечно. Рекламы приутишили.
Скоро вечер, он изменит освещенье.
Игры света мне милей на Пикадилли,
Чем еще миллиона баксов полученье.

Деньги тешат до известного момента —
Ищешь в них причину всякого поступка.
Сколь же радостней прогулка без процента:
Ни продажа невозможна, ни покупка!

Я сижу в своем дворце, утих кондишен.
Никого. Лишь бродит «гоблин» у ограды.
Новостей с далекой родины не слышу —
Слышу только птичьё пенье из сада.

Но слышал про положительных свити,
Про успехи, что достигнуты войсками.
Как там Цезарь? Чем он занят? всё интриги?
Все интриги — да возня с силовиками?

Был в Аббатстве. Столько там лежит народу!
Тоже некогда державой управляли,
Тоже некогда имели тьму доходу...
Но к червям, как и положено, попали.

Ну, а в парке я порой с божком встречаюсь:
Утверждает, что годов ему — две тыщи
И зовется Агасфером. Сомневаюсь.
Нетипично долготелые для нищих

Божж — никто, мой друг, и курица не птица,
И ни курица, ни божж не видят фальши.

Если вышло в Империи нажить,
Лучше спрятаться надолго и подальше.

И от недруга дадѣко, и от друта,
Жить спокойно, и в расходах не скупиться.
Говоришь, что я — укравшийся ворюга?
Да, ворюга. Но, заметь, не кровопийца.

В здешний суд пришла «телега» издалѣка,
Внес залог я — без базара и торговли.
До чего судьба к изгнанникам жестока!
Предстоит еще скрываться мне от ловли.

Может, мертвым притвориться, право слово,
Сделать так, чтоб даже Сам поверил в это?
Пусть найдут себе кого-нибудь друтого,
И за ним пускай гоняются по свету.

За всю жизнь и половинны не погратишь,
Как сказал мне старый бой у двери паба:
«На тот свет с собой ни пенни не прихватывишь».
Взгляд не русский, но подмечено не слабо.

Был в горах, поверив байкам и рассказам,
Лядя в озеро, искали Несси все мы.
Вдруг в Шотландии подумал: что с Кавказом?
Неужели до сих пор еще проблемы?

Видел в ящике: один вещает часто...
Ну ты помнишь... Торговал окорочками,
Табаком еще. Однако, архипастырь,
Архипастырь, и в контакте с небесами!

Приезжай, закажем лечя из ресторана,
Ты расскажешь, что на родине творится,
Посегно тебя в «Палас» и дам охрану,
И скажу, как здесь удобнее нажитьсь.

Нынче друт твой, так любивший умноженье,
Давний долг вернуть делению стремится.
Финансирую теперь я все движенье:
Ведь — ты помнишь? — призывали нас делиться.

Вот вчера мне из столицы сообщили:
Снова едут за деньгами депутаты.
Дам им плату, за которую хулили,
Пусть за ту же и поддерживают плату.

Зелень баксов, доводящая до дрожи,
Дверцы сейфов, заполняющие стены.
В этом сейфе — фонд на нужды молодежи,
В этом — фонд для корифеев русской сцены.

В парке пинии для понта и для форса,
У бассейна — древнегреческая ваза,
На скамейке Чиппендейла — список «Форбса»,
Над воротами — эмблема «ЛотоВАЗа».

мартель 2003

ЕЩЕ РАЗ О СКИФАХ

Да — скифы мы, да — азиаты мы...
А. Блок

Неужто это скифы виноваты?
Но на кого еще свалить беду...
Диагноз в восемнадцатом году
Поставлен: скифы мы. И азиаты.

И, значит, суждено нам на роду
Держать щиты и задавать загадки,
А вот держать свои дела в порядке —
Имеги мы, как говорят, в виду.

Владения раскинув до Камчатки,
Прозил окрестным странам истопил
Судьбою Лиссабонов и Мессин —
И хуже: был велик запас взрывчатки!

Что смысл, что гений — всем удел один...
Наш Сфинкс, планету уподобив тигру,
Мечтал любому дать по конвоюру —
И так достигчь сияющих вершин.

И зложив в ловушки тонны сыру,
Он был, как всем известный Купидон:
Хоть без штанов, зато вооружен,
Любовь свою навязывая миру.

Но почему же появился он?
Откуда этот Сфинкс с названьем кратким?
И кто его путем направил гадким?
Конечно — скифы в глубине времен!

От них — то мор, то недород, то взятки,
То Третий Рим (как Рим сюда попал?),
А Третий же Интернационал
Принес несчастий всяческих в достатке.

Беды крылатой срок не раз настал,
Но Сфинкс десятком сталинских ударов,
А после — миллионами кошмаров
Мать кузькину соседям показал.

Видали мы немало комиссаров,
Носителей весьма различных вер,
Сторонников весьма различных мер,
Блюд острых (и не очень) кулинаров,

И все они — на тот, иной манер —
Учили: дескать, путь у нас особый;
И ныне — кто спокойно, кто со злобой —
Они твердят, что Запад — не пример,

Клянущся — кто святителем, кто Кобой,
Что тут — духовность, хоть и нищета,
А там — хоть и богатство, но тшета;
Шаг влево, вправо — только лишь попробуй!

Они сойти со своего поста
Не захотят (не смоут, вероятно),
Винюны скифы, это всем понятно:
С них началось держание щита!

На грабли наступать неоднокрятно —
Неужто наш обычай навсегда?
Нет, верю я: не будет и следа
На лбу! Ходить мы станем аккуратно,

И, может, хоть теперь пойдём — *туда*
(Забыв плакаты, латы и цитаты),
И мы когда-нибудь догоним Штаты! —
Хоть скифы мы и азиаты — да.

август 2003

ПОБЕДИТЕЛЬ

Он брал Берлин!
Он, правда, брал Берлин...

А. Гашч

Он победил. Но это было так давно.
И про войну он не выносит разговоров.
Но смотрит всякое военное кино
По телевизору, ругая режиссеров.

Он даже в праздник не наденет ордена.
Лишь только планки — и пореже, чем когда-то.
По телефону обсуждает, чья вина,
Что размещаются всё ближе базы НАТО.

Зять был конструктор. Ныне — что-то продает.
 На жизнь хватает; дочь оставила работу.
 Болзней — тьма, но он порою с зятем пьет:
 По будням — редко; чаще — вечером в субботу.

И за столом всю власть по косточкам честит.
 Ну, президенту полагает в меньшей дозе,
 Но про министра (в общем, всякого) — «бандит»,
 Про губернаторов — «сплошные мафиози».

А голосует он за партию одну,
 Хотя твердит, что и Зюганов — из богатых;
 И говорит, что всю распродали страну,
 Хотя в свечах и не ищет виноватых.

Не понимает, почему ведется суд
 Над олигархом лишь одним — не всеми сразу.
 «Коль захочит — они грехи у всех найдут,
 Но про других им, верно, не было приказа».

Внук — в банке клерком. И пеняет внуку он
 За то, что ныне все порушены основы,
 И за инфляцию гайдаровских времен,
 И за дефолт, за то, что ждем дефолта снова...

А по ночам, когда болят и там, и тут,
 Терпеть он боль свою пытается без звука,
 И недоволен, если дети прибегут,
 Услышав стон; и не велит тревожить внука.

Но он доволен, что в семью пришел успех,
 Что жизнь другая — но устроенная стала;
 И власть былого ненавидит он — и тех,
 Кто на крови его пробился в генералы.

Прошел он в жизни две великие войны.
 И обе власти, что с народом воевали —
 Чужая, наша, — были всё же смежны.
 Он победил. Он уцелел. Они — пропали.

То нищета, то крутоверть кровавых мук —
 И перельшка в жизни редко выдавалась...
 Жизнь завершается. Но вырос, вырос внук!
 И это значит, что победа состоялась.

август 2004

ЦЕНА ПОБЕДЫ

Мы проиграли. Снова проиграли.
 Пропрыскаем всё с недавних пор.
 О том в несуществующем астрале
 Подписан непреложный приговор.

А прежде было всё совсем не плохо,
 И по-другому вел себя астрал;
 У нас была великая эпоха,
 Как наш почти что классик написал.

Мы были, были впереди планеты!
 Как много было всяческих побед!
 Спорт и балет, плотины и ракеты,
 И альпинистом пройденный хребет...

Ракеты из шарашек стартовали,
 Стоят плотины на костях з/к,
 А цену неполученной медали
 Спроси у лейтенантов ЦИКА.

Но люди — люди верили в победу
 На стадионе, в небе и в шурфе
 С безумной верой жителяй Толедо
 Времен безумных аутодафе.

И аутодафе происходило
 Во всех концах истерзанной земли,
 И много раз в безвестную могилу
 Былые победители сошли.

Собой привыкли жертвовать — для дела,
Для Родины — кормить собой червей;
А Родина так ласково улыбела,
Так нежно пожирала сыновей...

Секрет победы знали спецподделы,
С судьбой был стовор тайный о цене:
Цена победы — новые расстрелы,
Кому-то сылка — и медаль стране.

Статьи в печати стали и психушки
Эквивалентом всяческих наград;
Для мексиканских достижений пушки
Нацелились на древний Пражский Град.

Побед у нас немерено в копилке,
На космодромах постоянный гул!
За ту победу — академик в сылке,
За тот полет — войска вошли в Кабул.

Теперь — переменялось. И победы
Мы реже торжествуем — вот беда...
Все реже ломим, реже гнутса шведы
И всякие другие господа;

У бегунов — нехватка кислорода,
В хоккее навсегда проигран спор...
Свобода, долгожданная свобода!
С судьбой разорван страшный договор.

Мы распроцедились со спортивной славой,
И корабли всё реже в небо шлём...
Нам не бывать великою державой,
Не сможем больше побеждать во всём.

Кого же тут зачислить виноватым?
И почему же всё дано иным?
Понятно: быть здоровым и богатым
Получше, чем убогим и больным.

Навеки изменилась конъюнктура,
Побед не много будет впереди.
Чтоб всех побить — потребна диктатура
Или богатство. Третьего — не жди.

Не пограсем весь мир походкой бравою,
Зато других не будем принуждать;
Пускай мы станем малою державой,
Пускай мы будем редко побеждать.

Любые достижения — вроде пшика,
Когда стоит у власти людоед...
Дре жить не страшно — та страна велика,
Пусть даже мало у нее побед.

И никакое горе не случилось,
Хоть впереди и Штаты, и Китай.
Мы победили — там, где получилось.
Все хорошо. О большем — не мечтай.

август 2004

1 СЕНТЯБРЯ 2004 ГОДА

Словно из черных пробов упыри,
Черные не люди жажгут смерти.
Черные августы и сентябри,
Черное время кровавых вестей.

...
Свяозь сирены пронзительный вой,
Свяозь эфира задымленный хаос
Сеть мобильная шлет, задыхаясь:
«Я живой, я живой, я живой!»

Словно в фильме каком-то пустом,
Превращается жизнь в лотерею;

На экранах тираж лицезрею.
 Нынче — номер чужой. А потом?

К этой жизни еще не готов?
 Нынче много квартир, где рыдают...
 И кого же теперь поджидают
 Сталактиты железных болтов?

сентябрь 2004

ВОСЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Чудесам как можно этим не дивиться?
 Милосердью Неба радуемся мы:
 Был евреем дан Исход из Ауввица,
 И безвинным дан Исход из Колымы.

Огражденные Архангелом пражане,
 Сбереженный Провидением Спитак
 И Чудесное Спасение в Беслане...

...

Что? Чудес не приключилось? Как же так?

Верно, скрывшись в удаленную обитель
 И закрыв покрепче ставнями окно,
 Тот, кто был (и *если* был) для нас Родитель,
 За детьми уже не смотрит — и давно.

И выходит, что бы там ни говорили, —
 Путь один у нас, и он исповедим:
 Мы себя *такими* сами сотворили
 И себе за это сами воздадим.

сентябрь 2004

СОБАКА Сценарий фильма ужасов

Издавна живет у нас собака:
 Завели, чтоб охраняла дом.
 С важным поручением, однако,
 Этот пес справляется с трудом.

Ест наш хлеб — и всё. И вязетки гладки.
 И приходит в ярость, и рычит,
 Если кто подобные повадки
 Хоть совсем немного обличит.

Кто с собакой свел знакомство близко —
 Ходит и облян, и понур...
 А у пса всегда в зубах сосиска,
 Пес — выдеец множества конур.

И не говорите об охране!
 Толку от такой охраны нет:
 С крысами в захлавленном чулане
 Справиться не может много лет.

Расскажу для полноты картины
 Про собаку вести поновей:
 Есть еще привычка у скотины —
 Любит жрать хозяйских сыновей!

Морда у злодейки — восемь на семь;
 Этобно вост по ночам во тьму...
 Могут только Шерлок и Герасим
 Выгнать баскервильскую Муму.

февраль 2005

ТЕПЕРЬ — ДАЛЕКО...

Из страны получила развалина
 Как-то быстро и очень легко:
 На вопрос: «Далеко ли до Таллинна?»
 Отвечают: «Теперь далеко...»

Все хотят позабыть о Союзе — и
 Три засова цепляют на дверь;
 На вопрос: «Далеко ли до Грузии?» —
 «Далеко, — отвечают, — теперь».

Отчужденье, хоть как нареки его, —
 Что, судьба нам на множество лет?
 На вопрос: «Далеко ли до Киева?» —
 «Ой, далече» — мы слышим ответ.

К тигулярности движутся нации,
 Не «пропал» выбирают, а «пан»...
 Ну а тем, кто прибернет к миграции, —
 Всё же больше для выбора стран.

февраль 2005

КОНЕЦ ПОНЕДЕЛЬНИКА

Посвящается Ф. Д. Крившину

Лукоморья больше нет...

В. Высоцкий

Как идут дела в НИИЧАВО? Трудится Привалов, как когда-то,
 программистом старшим. У него сто у. е. — обычная зарплата.
 Подает на грант который год, только грант не выдают что-то...
 Амперян капсулу продает — брошена научная работа! Выбегалгу
 поужидал успех: дал профессор порученье Шуке, и теперь он стал
 главнее всех, взял бразды правления в науке: что ж, Привалов не
 подучит грант, будет, как и прежде, без обеды... Хунта — много
 лет как эмигрант, продолжает опыты в Толедо. Что же Киврин?

За морями он, очень уважаем Технионом (говорят, отец его Симон — сын царяны Савской с Соломоном!). Из избы сбегал секретный Кот (выгнала бескормица бедниту). Ковалев (не юный) дело шьет, поадил Корнеева в торину — мол, китайцы въехали тайком к нам для пополнения припаса; потому Корнеев под замком — продал, паразит, Кота на мясо! Стал Альфред комбригом улырей; прет не чай, а виски с коньяками, и ему забригитый Бриарей строит дачу крепкими руками. Ойра-Ойра поступил умно: он теперь смотритель над потостом. Янус вспять отправился давно — это было где-то в девьяностом.. Из музея стинули мечи, Бельий Тезис вынут из дивана. Камноедов вышел в богачи, он теперь — хозяин ресторана, и ему не ругая волшба — зданье нынче надобно и место; Институт тяжелая судьба ждет по воле толстого Модеста. Здание отправят с молотка — так решил профессор Выбегаллю (он немало следал для дружка — и в «откате», видимо, немало). Бедный Брут — в мучениях, с утра — джинана был, чтоб малость похмельиться; а Наина Киевна вчера укатила в Киев, за границу. Дочке Кия там почет большой — любит люди, уважают власти; а она с открытою душой лечит президента от налести. И вещает, что из тьмы болот выйдет с диссертацией готовой и науку бедную спасет Эмей Горыныч — родич трехголовый!

март 2005

ВАВИЛОН

Воздвигнут был великий Вавилон.
 Он оградилса стенами от света:
 Стальной кордон, незыблемый заслон,
 А посредине — Зиккурат Совета.

Отправили отряды к поллюсам,
 Отпор чинили всякому углону,
 И стали строить Башню к небесам,
 Чтоб небо покорилося Вавилону.

Записывали славные дела
 В таблички глинописные из глины...

Но Башня тоже глиняной была —
И рухнула однажды самочинно.

И дрогнула испытанная рать,
Листва с дерев осыпалась в кручину.
Смешалась речь. И больше не понять
Друг друга вавилонянам отныне.

И каждый новый клан, как будто клон, —
Хоть и кланет со злобой день вчерашний —
Но строит малый, вольный Вавилон:
И стеночки, и башенку за башней.

Пришла теперь свобода для племен,
Халдеев там сменили демократы.
Плывать хотят на старей Вавилон —
Вот для того и строят зиккураты.

март 2005

КОНКРЕТНЫЙ АПОКАЛИПСИС

СТРАННЫЕ СТАНСЫ

Ожидает впереди
Очень страшная неделя,
Или страшная — поди
Разбери их, в самом деле...
Выйду во поле один,
На большуоу на дорогу,
Сушер-гетеро-дин-дин...
Ну-ка, Бетси, дай мне прогу.

Как очко на домино,
За лесами, за горами
Ярко светит не окно —
Это свет в тоннельной раме;
Этот синий-синий свет,
Цвет лавины или селя,
Провозвестник всяких бед —
Этот свет в конце тоннеля.

С криком радостным «банзай!»
В предвкушении атаки
Лезть в туннели не дерзай,
Там внутри не буки-бяки.
Будь вантоз или нивоз,
Будде веришь или Муну —
Знай: там едет паровоз,
Ищет он свою коммууну,

Приближается в тиши,
Словно руки брадобрея...
Эй, кондуктор, не спеши!
Тормоза нажми скорее!
А кондуктор — дед Мазай
В гимнастерке цвета хаки...

Все. Приехал — вылезай.
Закидай и Закусай —
Ну-ка, взять его, собаки!

сентябрь 2004

ОЖИДАНИЕ САТАНЫ

Наш дом однажды Сатана без спросу посетил;
Был элегантен старина, обштителен и мил.
«Имейте, господа, в виду, — сказал он, уходя, —
Я к вам еще разок зайду. В четверг. После дождя».
И вот дожливая пора, и вечер четверга,
А в нашем доме ждут с утра извечного врага.
Изыпный кендз, и старый поп, и пастор, и мулла —
Духовных множество особ сидит вокруг стола.
Они, крепя молитвой дух, явились в этот дом,
Когда до них донесся слух о посещенье том.
В руках Писанье и Коран, и пог на лбах блестят;
«Диввол...», «Шайтан...» и «Шайтан...» — повсюду шелестит.
Любой готов вести войну; и мрачен оттого,
Что очень хочет Сатану изгнать — но своего.
По четвергам и шум, и гам, со сварой наряду,
И велики по четвергам расходы на еду.
Хотят злодея посрамить все сразу — какво?
И всех приходится кормить — добро бы одного...
Закроем дверь — они в окно вылезают в ранний час,
И голова болит давно от трескотни у нас.
Ждут, черта своего цена, и речь у всех одна:
«Нет, Сатана — лишь у меня вапправду Сатана!
Все остальныые — мрак, мечта; мой — истинная гнусь!
Мой выявился неспроста, и я его дождусь!»
И неизменная беда творится в эти дни:
Друг другу в волосы всегда вцепляются они,
И бьют друг друга крепко в лоб — печальные дела! —
Изыпный кендз, и старый поп, и пастор, и мулла.
Мы разнимаем их с трудом, и бром даем, и ром;
Они осваивают дом в ночи — в часу втором.

И снова нам неделю ждать и закупать жратву...
Нам Сатану не увидеть, наверно, навву;
Гостей он мог бы рассудить, ступив на наш порог,
И нас от них освободить, наверно, он бы мог;
Но негу от него гостей, он не случится в дверь...
Что ж, сами мы своих гостей пошлем к нему теперь.

октябрь 2004

КРИВАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Нелепые идеи Галилея
Тень издавна наводят на плечень,
Измученную Землю, не жалей,
Вертечься заставляюг ночь и день.
А звезды так привычны и домашни,
Но что-то их всё более гемнит...
Кривая вертикаль Пизанской башни
Уставилась в сместившийся зенит.

октябрь 2004

КОНКРЕТНЫЙ АПОКАЛИПСИС

Я дрожу от волнения весь:
Мне видение было днесь!
Я поведаю вам о том,
Что приходит конец времен;
Не придет — придет ОН
На «шестист шестидесят шестом».

«Мерин» черен, а может, блед,
А в салоне — предвестник бед,
И на пальце — перстень златой.
Он не станет нас научать,

Он поставит на всём печать
И чертит весь мир чертой.

И не станет светлых надежд;
И не будет белых одежд
У того, кто идет сюда. —
А скинхловский гардероб,
Черный свитер и лысый лоб,
Ваххабитская борода.

А оскаленный рот — клякса;
Цепь золотая, на ней — *гимнаст*,
И золотого питья кипа
На блестящей лысой башке,
И кривая мера в руке,
А на поясе — черета.

Да, последние дни пришли!
Он оставшийся мир с земли
Заберет и положит в банк
Меч не нужен ему и лук;
Правда, соговых — девять штук!
(Потому что высокий ранг).

И в рожок вострубит шофер,
И озвучится приговор,
Погрисяя страны вокрут;
Станет в этот момент мертво
Двадцать пять процентов всего —
Может, север, а может, юг.

И изгадится чистота:
Богохульно его уста
Огласят итоги продаж.
Мы услышим, и мы узрим,
Преклонимся мы перед ним, —
Ну а он уедет в гараж.

ноябрь 2004

ЗА ЧЕРТОЙ

Мнится — мир шагает в темноту,
Но не финиш ждет, а поворот:
День, который подведет черту,
Не черту, а чёрта подведет.
Не отбой, а тонка намбер ту,
Старт повторный и второй забег;
С кем — узнать бы только — на борту
В новый рейс отправится козвел...

февраль 2005

СМЕНА ВРЕМЕН

ЩЕНОК

Мне на плечи кидается век-волкодав..

О. Мандельштам

В новогоднюю ночь не смежили мы век,
Волкодаву сплетая венок.
Нам на плечи не прыгнул родившийся век:
Он пока еще только щенок.

Он пустыми глазами глядит на меня,
Робко тинется носом к рукам...
Лишь недавно отца-волкодава сменил,
Он еще не опасен волкам.

Он пока не принес сокрушительных бед,
Но однажды завост, узнав,
Что отцом его всё-таки был людоед,
Хоть и звали отца: волкодав.

Он прозреет, окрепнет, узнает людей,
Заблестит под лунной его мех...
Он живущих сегодня — и нас, и детей —
Пережить собирается всех.

Что же, с ним мы пройдем предстоящие дни,
С ним придется по-новому выть...
Но появятся вскоре на свете они —
Те, кто будет его хоронить.

январь 2001

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Ирине Майзуровой — с благодарностью

Мы стояли у его постели. Не в слезах. И вовсе не скорбя.
Мы его утешить не умели — и решили утешать себя.
Да, огромны были опасенья, — и они исполнились с лихвой.
И в его последние мгновенья, в этот час полночный роковой
Вспоминали тяжкие проступки — те что совершил он (не со зла).
Как же эти побрякушки хрупки! Как же эта жизнь невесела!
Гляди на украшенную елку, ждали мы. И он кончины ждал.
И никто не плакал вприхололку; да и сам болезный не рыдал.
Не был он злодеем, супостатом... Он — и это надобно понять —
Просто был *назначен* виноватым, чтобы было на кого пенять.
И теперь, печально угасая, слышал он, как радуемся мы...
Вот сейчас придет, придет Косая — из угла, из этой полутьмы;
А мерцанье елки разодетой — словно блеск напочечной косы...
И, кончины ожидая этой, мир затихнет. И пробьют часы.
Не просил он у людей прощенья, и пощадь — у нездешних сил
(На работу эту назначенья он себе вот так же не просил).
Он совсем не добровольно взялся этот груз немереный воловь;
Иногда он нам помочь пытался... Только как же можно *нам* —
помочь?!

Он старался: было краше лето, и зимой — добрее небеса,
А весною было больше света, были ярче осенью леса.
Но никто не замечал стараний, знали только груз своих забот.
Потому и нет сейчас рыданий, лишь надежда — он уйдет, и вот...
«Ухожу, виновный и безвинный». И полетче станет им теперь.
Хорошо, что я своей кончиной часть их страхов унесу за дверь», —
Думал обвиненный почему-то в доставлении всяческих

незгод...
И пришла прекрасная минута. Тихо умер высокосный год.

...
Праздничная ночь так долго длилась! Но когда утихло
торжество —
Выяснилось: жизнь не изменилась. Но кого *теперь* винить?
Кого?

январь 2005

НОВОГОДНЯЯ ТАЙНА

Так что же, что же это — Новый год?
 Простое упрямство в устном счете?
 Спокойный светофорный переход?
 Кларнета звук уже на новой ноте?

Лукаво ускользнувшее мгновенье,
 На белом поле новые следы,
 Прошедших бед законное забвенье,
 Предвестие незнаемой беды?

Обыденность любви, банальность госта,
 Меж двух времен протянутая нить,
 А может, это — обещанье жить,
 Которое исполнить так просто...

январь 2005

НЕОПОЗНАННАЯ ЗВЕЗДА

Ирине Майгуровой

Было небо черным-черно,
 Но, печали ночной чужда,
 Заглянула ко мне в окно
 Неопознанная звезда.

Заблудившаяся в ночи,
 Запыхавшаяся почти,
 Потерявшая все ключи,
 Позабывшая все пути.

Обыскавшая сто округ,
 Любопытная, как зверек,
 Подавая в себе испуг,
 Обнаружила наш мирок.

И примерно в часу втором,
 Облетев этот шар стократ,
 Место выбрала над двором,
 Лучик бросила в наш квадрат.

Я еще раз глаза протер,
 Шторы сдвинул, к окну шагнул
 (Заруливший во двор шофер
 Равнодушно в зенит взглянул).

Нежеланная для газет,
 Не прославится никогда:
 Никому не нужный сюжет —
 Неопознанная звезда.

Нет пути у нее домой,
 Дре останется — вот вопрос...
 И глядит на этаж восьмой,
 Взгляд сияет, лучи — вразборос.

Вот и я гляжу, не дыша,
 Тенью чувствуя за плечом...
 И оттаявшая душа
 Отвечает на луч — лучом.

Прикасаются луч к лучу
 Над спокойствием снов людских...
 Оставайся, звезда, — шепчу, —
 Этот мир не хуже других!

Опражайся в стекле витрин,
 Улыбайся, любви, лечи!
 Помни: я опознал один
 Неопознанные лучи.

февраль 2005

Всё лучами полно неурочными;
 Ночь, угасни, замри, не морочь!
 Но не ладит с науками точными
 Беззаконная белая ночь.

Льется свет вопреки космологии,
 В споре с датой и широтой;
 Ниспадают покровы погоде
 Серебристой летящей фатой.

Полусонно гляжу в серебрение,
 Небывальной не удивлен...
 Сновидение или прозрение?
 Или попросту — смена времен?

февраль 2005

ВЕГА

Верстовые персты снеговерги:
 В небе Вега, как нега от смерти...
 Вы судьбину вкусите и взвесьте:
 Быть вам розно — а может быть, вместе?
 Снег слепящий рассыпался чисто,
 Приукрасился месяц в монисто,
 Но Полярная — в облаке стъллом...
 Скверно на слово верить светилам:
 Может, кличут, а может быть, манят —
 Подведут, уведут, прикарманят...
 Две Медведицы в дальнем сиянье —
 Как свежо и обманно преданье...
 Отблеск лунный, как пляс скомороший,
 Не покажет пути над порошей...
 Но сквозь лапы летящего снега
 Вас из завверги выведет Вега.

Ваш вожатый студенький и точный —
 Вега зимняя, пламень полночный.

февраль 2005

МАРТОВСКОЕ

...И снится синяя весна
 Сквозь эту мартовскую зиму;
 Не принимает белизна
 Пока проталинную схиму.

Еще спокойствия полны,
 Как горы, гордые сутробы;
 У подступающей весны
 Еще не начались пробы.

Она ворвется в этот март,
 Отменит снежное забвенье,
 Ее клокочущий азарт
 Растянет в месяцы мгновенье.

Но нынче — та же тишина,
 И снег блестит невыносимо...
 И снится синяя весна
 Сквозь нерастающую зиму.

март 2005

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

1

Он стоял на краешке настлала
 Пляжного пустого променада.
 Рыбка подплыла к нему, спросила:
 — Что же — снова ничего не надо?

Ты сюда приходишь ежедневно,
Но ни разу невод не забросишь...
Может, хочешь получить царевну?
Или жизнь безбедную попросишь?

Ничего ты мне не позволишь
Подарить. Не отвечаешь даже.
Дурака немного повалишь —
Постоишь — и прочь уходишь с пляжа...

Пусть отец мой в глубине явится
(Ты, наверно, видишь по приборю?) —
Я готова даже трижды трицать
Раз приплыть, чтоб говорить с тобою.

Знай: твои печали мне известны;
Извини: коснуться их посмею.
Принесла колечко я из бездны,
То, что в море выброшено ею.

Примешь ли хоть это — раз иного
Брать не хочешь у морской дикарки?
Может, ты его подарить снова...
Нет, не мне. Мне — не нужны подарки.

Выбор новый твой я не оспорю;
Только бы не вздорная, не злая...
Приходи же с ней почаще к морю,
Чтобы на тебя взглянуть могла я.

2

Не хотел подчиняться судьбе,
От обмана илти к миражу...
Я сюда приходил не к тебе;
Но сегодня — к тебе прихожу.

Не проси: не скажу — почему.
Светит солнце, на волнах рябя...

Я подарков твоих не возьму,
Но возьму, раз уж хочешь, — тебя.

Ветра нет, и весь берет — в тиши...
Знай: оставили прежние дни
Мне всего половину души.
Больше дать не смогу — извини.

Прошлым жить — ни желанья, ни сил;
Отказаться — ни сил, ни ума...
Я принцесс у тебя не просил,
Но принцесса явилась сама.

Чем же смог я тебя покорить?
Я отныне навеки в долгу...
Ты хотела мне всё подарить —
Принимаю лишь то, что могу.

Так бросай же свою чепуху,
Выходи из приборя сюда.
Зря, наверно, сказку твою
Разбавляю — причём навсгда.

Ты спокойно мне смотришь в лицо,
Ты на берет шагнула легко...
Дам тебе я другое кольцо;
Это — слишком тебе велико.

Буду, верно, счастливым — почти...
Сохрани наше счастье в дарде
И меня, если сможешь, прости
За печаль на веселом лице.

март 2005

ТИХЕ

Что выпадет — того не миновать,
 Не стоит даже прилагать труда.
 И ты не сможешь переименовать
 Твою Тетрадку Судеб никогда.

Что толку обращаться к ведунам?
 И кто из смертных может предсказать
 То, что запишет потихоньку нам
 Старуха Тихе в тайную тетрадь?

Она глядит сквозь старые очки
 И пишет, пишет, словно педагог,
 В тетрадку. Там в заветные значки
 Орлянки превращается итог.

Она монетку бросит или кость,
 Случайный наблюдается процесс —
 И в гроб кому-то бьит последний гвоздь,
 А кто-то умирающий — воскрес.

Сокрыто всё в таинственных значках;
 Она оценки пишет за игрой
 В тетрадках наших, словно в дневниках, —
 Но не оставит нас на срок второй...

март 2005

ЭТОД

Она по пристани пройдет —
 Печальная, одна;
 Затихнет, спрячется, замрет
 Причальная волна...

Со дна всплывет на небосвод
 Крахмальная луна,

И сразу будет тайна вод
 Зеркальная видна.

Звезда со звоном упадет —
 Прощальная струна...
 И где-то рядом, у ворот,
 Хрустальная весна.

апрель 2005

ЗЕРКАЛО ДОРОГИ

•••

Отражений довелось увидеть много —
 Правда, кажется, что всё еще в начале;
 И промчавшаяся в зеркале дорога —
 Не причина для гордыни и печали.

Отражая то, что душу занимаю,
 Становилась светлым зеркалом страница...
 Впереди немало странствий — и немало
 В этом зеркале дороги отразится.

*март 2005***РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА**

БАЛЛАДА О ТРЫН-ЦВЕТКЕ
(почти по Киплингту)

На южной границе Ассамы растет
 Дремучий и древний лес;
 Там странный цветок по ночам цветет;
 Зацвел — и к утру исчез.

Искали цветок, что скрывает тьма,
 И сикх, и индус, и салгиб;
 Но каждый третий сошел с ума,
 А каждый второй — погиб.

И только Табаки — сородич собак —
 Узнал к нему путь один,
 Узнал и понял, что дело — табак,
 Цветок же зовется — Трын.

Собрал он трусливый шакалий род
 И молвил: «Из древних книг
 Узнал я, что храбрым становится тот,
 Кто этот цветок состриг.

Но это подействует, если он
 Лишь в полночь цветок сорвет —
 В тот час, когда в джунглях протрубит Слон
 И в чаще Медведь заревет,

В тот час, когда тыквой стала арба,
 Носатым — маленький Мук,
 Когда прикончили Али-Баба
 Разбойников сорок штук.

В такую пору по всей земле
 Бандиты одни и воры?;

И стел Это верхом на Козле
Во тьме зловещей поры.

Но нам, шакалам, давно пора
Отбросить трусость свою!
Бандить, козлы и полночь — мурд!
Мы право возьмем в бою!

Придем мы в полночь, цветок сорвем,
И храбрость волется в нас,
И нам всё равно, что будет потом,
И что творится сейчас!

Идем сквозь джунгли, шипенье змей,
Рычанье пантер и волков!
И мы, несомненно, станем смелей —
Завет Таутамы таков!»

И двинулся в джунгли шакалий род,
Когда опустилась тьма,
И шли сквозь джунгли они вперед,
Покинув свои дома.

Они шагали по руслам рек,
Взбирались они на хребты;
И если встречался в пути абрек —
Бежал он под свод темноты,

И если встречался в пути кучак —
И он устремлялся прочь...
И звезды с луной им давали знак,
Такая уж эта ночь.

И ровно в полночь они припили
К поляне Патрон-Таши,
И ровно в полночь они нашли
Цветок, что расцвел в тиши.

А львы и тигры рычали вокруг
Поляны Патрон-Таши,
И липкий страх поднимался влуд
Со дна шакальей души...

Но главный — Табаки — сказал: «Не трусь!
Цветок охранит от бед!»
И самый младший сказал: «Не боюсь!»
И прочие тоже: «Нет!»

И главный — Табаки — сорвал цветок,
И тром прогремел в лесу!
Сказал он: «Мы раньше шли на восток,
На запад цветок понесу».

Он поднял цветок, и тот запылал
Огнем над его головой,
И каждый шакал за ним побежал,
И был уже кажтый — герой.

И все шакалы в пути, как один,
Твердили, твердили одно:
«Сорвали цветок мы по имени Трын,
И нынче нам всё — равно!»

март 2003

ЯЙЦО ВСЕВЛАСТИЯ (Киплинго-Толкино-народное)

В курятнике, утром, примерно в шесть, Кура снесла Яйцо;
Было это яйцо золотым, как хоббитово Кольцо.
И Дед произнес: «Его бы разбить; буквы на нем недообры»,
А Бабка сказала: «Яйцо — утопить в огненных недрах Горы!»
Но в это время грянул вокрут ужасный, протяжный гул...
«Кто это? — крикнул, дрожа, старик. — Назгул или назгул?»
«Нас девять, вас двое, — раздался ответ, — и наш перевес налицо;
И нам приказал Сами-Знаете-Кто у вас отобрать Яйцо».

«Нет, лучше мы сами Ййцо разобьем, его не дадим Врагу!» —
 Так Бабка сказала; а Дед, крихтя: «Разбить никак не могу...»
 Раздался мерзкий смех за окном: «Нет, вам не разбить Ййца!»
 И страшен был древней короны блеск на черепе мертвеца.
 «Зайти мы не можем в ваш дом дотемна, но и вам не выйти

во Двор;

Когда же взойдет над лесом луна, и грянет филинов хор,
 Когда не будет вас защищать жгучее Солнца лицо, —
 Тогда мы в ваш дом легко войдем, и нашим будет Ййцо!»
 И Бабка присела на стул хромой, на лавку уселся Дед.
 «Так что же, — сказал он, — последний день? Спасения больше

нет?»

А Бабка сказала: «Мы ни за что не будем сдаваться им!
 Давай подороже жизни свои в сражении продадим!»

«Да что ты, Бабка, сошла с ума? Тебе двести лет в обед!

Ты даже полы подмести в избе не можешь», — ответил Дед.

«Взгляни на себя! Из тебя давно высыпался песок!»

И долго бы, долго бранились они, от смерти на волосок,
 Если б не слышала эту брань живущая в подполе мышь...

Она сказала: «Что, Дед, орешь? Бабка, что ты шумишь?

Что, надо просто разбить Ййцо? Для горести нет причины!

А вы и не знали: мой хвост закален, он видел Ородруни!

Мой хвост опускался в недра Горы, он стал дамаской

прочней!

И он не хуже послужит вам всяких подземных огней».

И Бабка на стол положила Ййцо, и хвост блеснул серебром!

Ййцо упало на грязный пол — и грянул над лесом гром!

Скорушки летели во все углы, — а там, а там, во дворе,
 Свалились всадники с черных коней, и каждый снова помре.

На этом закончилось царство Врага, и тихо стало в лесу.

И Кура сказала: «Ййц таких я больше вам не снесу».

Снесу, если надо, простое ййцо — лишь, Бабка, меня попроси».

И Дед сказал: «Спасибо, дружок», а Бабка сказала: «Мерси!»

сентябрь 2004

БАЛЛАДА О ПТИЦАХ

В час безмолвия ночного
 Было мне весьма хреново:
 Жизнь сложила испугево,
 В голове сплошной минор...
 Вдруг услышал отзыв рек:
 Кто вылетел ко мне во двор?
 Ну, наверно, ворон снова,
 Нет сомнений! Стопудово!
 Значит, снова будет вздор:
 «Невермор» да «невермор»,
 А об водке ни полслова;
 Пьет лишь пиво и кагор,
 А твердит, что родом с гор.

В час полночный мрачноватый
 Я сидел слегка помятый,
 Разъярен плохой зарплатой
 И паршивою жратвой.
 И (поступок грубоватый)
 Я сказал во тьму: «Пернатый
 Пость мой многовековой!
 Коль услышу я хрипчатый
 „Невермор“ твой распроклятый —
 Изобью тебя лопатой:
 Будешь ты теперь горбатый
 Или вовсе неживой;
 А еще могу гранатой...
 Ты рискуешь головой!
 Пость документный, бесноватый,
 Черный ворон, я не твой;
 Мне не нужен этот вой!»

В час полупночный, тяжелый,
 Я сидел, больной и кветлый,
 Эной, голодный, полуголодный,
 Пил пустой холодный чай...
 Где же ворон-нетодай?

Вдурт суров — как самурай,
Непонятен — как сипай,
Неприятен — как минтай,
Ольбленный кока-колой, —
На окошко невзначай
Сел зеленый попугай,
Разжиревший как бугай.

Я сказал: «Вот гость неожиданный!
Для чего же ты с саванной
Распрошлся — и в туманный
Прибыл в край наш богоданный,
Не кокосный, не бананный?
Тут лишь грязь и лебеда...»
Попугай сказал: «Беда!»

Я сказал: «В стране печальной
Ты, о гость наш нелетальный,
Оказался, ненормальный...
Наша жизнь — не крем-брюле,
Это, кореш, плач тотальный,
Чем кормить тебя, пискля?
Сам я вечно на нуле,
Нет и хлеба на столе.
Лянь: в кармане ни рубля!»
Попугай ответил: «Бля...»

Вечер темный, ветер веет;
Вижу: гость уже наглеет,
Надоел до тошноты!
И во мне не песня зрелет —
Возмущенье; как он смеет
Повторять до хрипоты?
Оба — с вороном — скоты!
«Кто, — спросил я, — пожалует,
Прокормить меня сумеет
И спасет от нищеты?»
Попугай ответил: «Ты!»

«Наложил ты, сволоочь, вето
На развитие сюжета...
Значит, саван мой пошит
И моя канцона спета?
Дре же мне искать по свету
Хоть котлету, хоть конфету?
Продолжения банкета
Я хочу! И дело это
Так никто и не свершит?»
Попугай ответил: «Шит!»

«Ты учти — мы не на Яве!
Как же так? У нас в державе —
Я о том молчать не вправе —
Все мечтают о халиве
Даже больше чем о славе,
Так написано в уставе,
Всяком кодексе — увы...
Кто корمهжку даст ораве —
Хоть кореньев, хоть травы?»
Попугай ответил: «Вы»

Я тогда зашел иначе:
«Ты хотя ко мне проник
Без бутылки — я не плачу;
Пей! И будешь мой должник!
Здесь, под лавкою, тайник —
От жены бутылку прячу...»
Гость довольно: «Чик-чирик!»
«А, понравилось! Тем паче
Должен ты ответить вмиг —
Как же мне поймать удачу?
Неужели ты не винок?»
Попугай ответил: «Ик...»

«Лыка — что — уже не вяжешь?
Сразу пьян, как только вмажешь?
Значит, так мне и не скажешь,
Не укажешь, не покажешь,

Где же мне найти монета?
Попугай ответил: «Нет!»

Я воскликнул в знак протеста:
«Так ищи другое место!
Здесь не ждет тебя фиеста!
Ты с знойд-оста иль знойд-веста?
Где твой дом, ничтожный шут?
Где, проклятый проститут?»
Попугай ответил: «Гут»

Что ж, не буду это дело
Ставить я ему в вину.
Прибыл он в мою страну
Из далекого удела:
Пожалею, не спугну...
Дам я крышу болтуну —
Он нарушил тишину;
Если я его турну,
Будет скука без предела.
Надо птичку! Хоть одну...
«Птичка! Спеть бы ты сумела,
Чтоб порадовать жену?»
Попугай ответил: «Ну!»

июнь 2004

БАЛЛАДА О ПТИЦАХ — 2

Наверное, мухомор
Попался мне в консоме:
Ворвался ор «невермор»,
Во тьме я слышу «жамэ!»

Влетают двое за раз,
Да, две заразы (пардон):
У чернокрылого — бас,
У пестрого — баритон.

Явились, тяжко дыша,
Уселись на сундуке
(Наверное, анаша
Попалась мне в шалыке).

Один — суровый и злой,
Как критик и ревизор;
Он, словно бензопилой,
Скрипел свое «невермор».

Другой — галантен и мил,
Романтик и полиглот;
Свое «жамэ» возгласил,
Жуя оранжевый плод.

— Ребята, здесь перебор:
Не понял ни бэ ни мэ...
Про что твой вздор — «невермор»?!
А ты в уме ли — «жамэ»?!

Сбежали циник и хлюст,
Услышав эту хулу:
Один забрался на бюст,
Другой укрывлся в углу.

Теперь никто не вредит,
И в доме полный ажур:
Тот — «оливиз» нынче твердит,
А этот — плачет: «тужур».

Живу, не ведая стёз
И тяжести на душе
(Наверно, саломонеглез
Попался мне в гуляше).

февраль 2005

ЭФГЕНИ-ПАША

**Рубайг. Сочинение Искандера Морттир-заде
Типа перевод с типа персидского
Диван первый и последний**

Евгении Канищевой

I

«Мой дядя был старый большой аксакал,
Своими болезнями всех он достал.
Но ныне свершилось — и бедного дядю
Длиах (иль шайтан) наконец-то забрал».

II

Так думал герой наш — Эфгени-паша,
К наследству в лихом фазтоне спеша.
Родился на юге мой друг — в Исфрахне,
Куда и моя так стремится душа.

III

Семья небогата... Но важен престиж! —
И нанят был мальчику личный дервиш.
Но не был Коран и на треть им изучен...
(Подобным ученьем кого удивить?)

IV

Что ж, вырос сынок, не познав шариад,
Протнали дервиша пинками под зад...
Герой наш наряжен в шелка Хорасана,
По моде багдадской — роскошный халат.

V

Порой знатоками приходится звать
Нам тех, кто не может два слова связать.
Эфгени-паша знал, однако, немало —
Побогле, чем вся исфаханская знать.

VI

Почти позабыт ныне старый фарси:
Но строки Хайяма и Фирдоуси,
Гуляя ночами с подружкой, Эфгени
Был рад прочитывать — лишь его попроси.

VII

Он знал кое-что из стихов Навои,
Но сам не умел сочинять рубай.
Зато он прекрасно постиг Ал-Хорезми,
К наукам стремя интересы свои.

VIII

Но даже наука была для него
Не главное в жизни... А боле всего
Любил он младых персиянок прекрасных,
И в том помогало ему божество.

IX

...

X

Его научили Саади, Хафиз
Искусству угадывать каприз
Быть добрым, ревнивым, внимательным, нежным,
Тут быть неизменным, там сделать сюрприз.

XI

Его научил Низами Гянджеви,
Как деву склонить побыстрее к любви;
Такого, как был наш герой, сердцеда
Не встретишь — хоть сотню столетий живи.

XII

Еще научил его сам Насреддин
Уменью, что он сохранит до седин:
Он голову мужа украсит рогами
Столь ловко умел в Исфахане один.

XIII XIV

.....
.....

XV

С утра — приглашений десяток зараз:
На утренний кофий, вечерний намаз,
А он, как проснется, верхом на верблюде
Летит по бульвару: не скачка — экстаз!

XVI

Под вечер он едет в роскошный духан,
Куда собирается весь Исфахан;
И хоть Магомет запретил винопитье,
Но кто из духана уходит не пьян?

XVII

Затем — когда город вечерний затих —
В кругу куняков и абреков своих
Он едет на площадь, чтоб глянуть с усладой
На пляски джигитов и дев молодых.

XVIII

Народ, что заполнил широкий майдан,
Глядит, изумленьем вконец обаян,
Как сабно актер без огласки плетает...
И слышатся крики: «Как ловок, шайтан!»

XIX

Там смел акробат и искусен жонглер,
И ловко метальщик швыряет топор,
И с коброй летится йог-заклинатель,
И пенъем скопец вызывает фурур;

XX

К зверям укротитель не спешком жесток:
Плясунья кружится, как легкий листок:
Все смотрят... Лишь изредка крик муэдзина
Велит обратиться толпе на восток.

XXI

Варут слышатся крики: «С дороги, баран!»
То сорок верблюдов пришли на майдан,
На них наш папа восседает с друзьями.
Да, многих зеваяк раздавил караван...

XXII

Прошло только пять или десять минут —
Верблюды обратно с майдана идут...
Эфгени бормочет: «Казнить бы актеров —
Какую халтуру устроили тут!»

XXIII

И вот он вернулся к себе в кабинет,
В котором, читатель, чего только нет!
(Я тоже купил бы всё это, наверно, —
Да только, увь, не хватяет монет.)

XXIV

Турецкие трубки, халат из Хивы,
Шелка из Ширвана, тулуп из Тувы,
И перлы — подарок Персидского моря,
И даже матрешки из дальней Москвы.

Любой — даже самый конкретный джитит —
На бал надевает красивый прикид;
Таков и Эфрени: он пред зеркалами,
Наряд подбирая, часами стоит.

XXXVI

Одежду мууров он любит давно;
Ее описать для меня мудрено:
Уж как ни старайся — персидских названий
Для этих одежд не найти всё равно.

XXXVII

Одевшись, к дворуцу он на лошади мчит,
Где царство ковров, и шелков, и парчи,
Туда, где джигиты стройней кипариса,
Где девы прекрасны, как звезды в ночи.

XXXVIII

Стремительно входит папа во дворец,
В котором веселие дарит творец;
Он входит — и слышится шепот: «Эфрени!..» —
Все знают губителя женских сердец.

XXXIX

Я тоже в байрам, сабантуй и новруз
Не раз перед пери покручивал ус,
И матери очень меня опасались...
Но нынче я скромненький. Поверьте, не вру-с!

XXX

Да, видел я множество танцев — и вот
Ищу от Залива до Каспия вод
Я то, чего танец прекрасней Эдема, —
Манящий и нежный девичий живог.

XXXI

Я видел куда-то... И мне не забыть
Живог, что я встречу еще, может быть.
О дева, что танец тогда танцевала!..
Других не смогу никогда полюбить.

XXXII

Как розы — ланиты, как лалы — уста
Прекрасны! (А также другие места...)
Но дорог мне только невинный и страстный,
Таинственный танец ее живогта.

XXXIII

Луч солнца касался ее — и лучу
Завидовал я. И дюньне хочу
Коснуться губами того, что кружились
В прекраснейшем танце... Ну ладно, молчу.

XXXIV

Ах, где б этот танец опять увидеть!
Готов я за это живог свой отдать!
Но милые девы жестоки, как дэвы,
И мне не хотят доставлять благодать!..

XXXV

Вернемся к герою. Закончен байрам,
Он едет под утро к родимым шатрам.
Светагет; проснулись чайханщик Ираклий,
Торговец Рустам и мясля Абрам.

XXXVI

Но выгодный курс и заморский товар
Не могут Эфрени завлечь на базар;
Он спит. А проснется к дневному намазу —
И снова в седло, и опять на бульвар!..

XXXVII

Но вскоре другая настала пора:
Ему надоела актеров игра,
Обрыдли и танцы, и скачки верблюдов,
И плов, и кебаб, и шербет, и икра.

XXXVIII

Занудой прослыл он по Персии всей,
Тоску на балах навевал на гостей.
Но, к счастью, не стал он свершать харакири
(Учил его в детстве дервиш — не сэнсей).

XXXIX XL XII

.....
.....
.....

XLI

И к той, что умна, и к другой, что мила,
И к прочим — вдруг страсть его стала мала,
Могла его снова привлечь к этим дамам
Одна лишь виатра — такие дела...

XLII

Забросив любовь, взял он в руки калам
(Стихи сочинять дозволяет ислам);
Но все, кто читал его вирши, плевались,
Твердя: «Средь поэтов не место ослам!»

XLIV

Тогда он за чтение взялся с тоски —
Но вскоре от книг заболели виски...
Сообрал он все книги, поехал в пустыню
И книги с презрением бросил в пески.

XLV

Мы с ним подружжились. Любили болтать,
Друг другу на мир свою желчь изливать;
Но в дружбе моей и Эфрени, читатель,
Не надо того, чего нету, искать!

XLVI

С трудом я, однако — пока не привык —
Сносил его злой, непокорный язык.
Болтал он о шахе — а я опасался,
Что сбросят в ночи нас обоих в арык.

XLVII

Гуляли мы с ним по ширазским садам,
Свой взор обращая к ночным небесам,
И вместе грустили, что жизнь молодая
Пройдет — как сказал несравненный Хайям.

XLVIII

Однажды мы с ним посетили Тебриз,
В духане пришли в положение риз;
Эфрени потом у реки опирался
О камень — и чулом не сыпался вниз...

XLIX

Мечтал посетить я Дамаск и Каир,
Увидеть Каабу, Мадриб и Измир;
Учил я арабский, турецкий и хинди,
Чтоб легче мне было осмагривать мир.

L

Но мне выезжать запретил шахиншах —
Стихи мои, верно, у шаха в ушах;
А в них не всегда всё согласно с Кораном...
Надеюсь, отпустят меня! Иншаллах!

II

Хотел поглядеть и Эфгени на стран
 Чужих красоту — но обрезал Рахман
 Нить жизни отца его... И кредиторы
 Хотели упрятать Эфгени в зиндан.

III

Но тут появился посланец и рек,
 Что дядины дни завершают свой бег...
 Эфгени застал уже дядю в могиле —
 Да будет с ним милость Аллаха вовек!

III

И вот оказался Эфгени богат:
 Устроил поминки, как учит адал,
 Долги заплатил, — и теперь он владелец
 Огромного сада, роскошных палат.

IV

Два дня его радовал фйговый сад,
 На третий — стал фйгам Эфгени не рад,
 Бродить надоело по пыльным палатам,
 Не сладок шербет, нехорош виноград...

IV

А я вот хотел бы, чтоб в сельской глуши
 Дни жизни моей проходили в тиши,
 Чтоб днем я стихи сочинял у арыка,
 Шел ночью в гарем... Вот отрада души!

VI

Но взгляды у Эфгени на это — иной...
 Не путай, читатель, Эфгени со мной!
 Прехи и заслуги — свои у обонх,
 И счет у Аллаха — для каждого свой.

VII

Сию еще несколько строф о любви:
 Я к ней обращался: «Мой стих оживил!»
 Она иногда приходила нежданно,
 Иль медлила — сколько ее ни зови.

VIII

Когда приходила — рождались стихи,
 И даже порою не очень плохи;
 Я мог бы, наверно, стать знаменитым...
 Жаль только, что в рай не пускают прехи.

IX

Теперь уже нету любви у меня,
 Я занят стихами средь ночи и дня,
 Пишу для того лишь, чтоб сдать их в журналы;
 Об этом грущу — никого не виня...

IX

Но хватит! Вернемся к насущным делам.
 Могу отложить я пока что калам:
 Закончил я первый диван. А попозже
 Скажу я второму дивану — салам!

(на этом рукопись Исхандера Мортир-заде обрывается)

февраль 2000 — апрель 2003

ЗА ТРЕМЯ ЗАЙЦАМИ

ЯМБЫ НИ О ЧЕМ

Коня! Полпарства за коня! Столбами вьется пыль!
 Давно, давно ты ждешь меня, старуха Изергиль!
 Что это? Ворон в вышине? Нет, ворон я не твой!
 «Куда идешь?» — сказал он мне, качая головой. —
 Куда несешься ты, баран, средь соплеменных гор,
 Как сон, как утренний туман? — и каркнул: — «Неетмоге!»
 Но прокатился, хохоча, весенний первый гром —
 И он растаял, как свеча, в тумане голубом...

август 2003

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?

В августе 2003 года состоялось
 максимальное сближение Земли с
 Марсом — «величайшее противостояние».

Из прессы

А на далеком горизонте
 Свирепый Марс горит пожаром.

Икс-изрек-зет

Небесный свод сейчас недаром
 Привлек всеобщее внимание:
 Свирепый Марс горит пожаром —
 Настало Противостоянье.

«Кто виноват?» и «Сколько стоит?»,
 «Что делать?» — вечно мы гдадем,
 Но много больше беспокоит
 Вопрос, который с детства знаем.

Мы изучали эту тему,
 Она — в трагедии и фарсе,
 И всё же вновь хочу проблеме
 Затронуть: есть ли жизнь на Марсе?

Там с кислородом очень туго
 Для птицы, ящера и зверя,
 И если скажут: «Там — житуха!» —
 Я отвечая им: «Не верю!»

Хоть обойди весь Марс — и что же?
 Ни инфузории, ни барса!
 И человека нету тоже —
 Ни одного! — в пустынях Марса.

И нас от Марса отделяет
 Весьма большое расстояние...
 И, значит, Марс — не угрожает.
 Плевать на Противостоянье!

Вы что, не верите рассказу?
 Есть доказательство, однако:
 Оттуда много лет ни разу
 К нам не валилась железка!

А вот бедняги-марсиане
 (Которых, я напомню, нету)
 Твердят, что мусором земляне
 Им завалили всю планету.

Да, нам явление знакомо,
 Когда изгажена природа:
 Там за кило металлолома
 Дают два литра кислорода!

И бродят, бродят марсиане
 В своих пустынях, смотрят в небо:
 — Ах, если б только знать заранее...
 Найти железку — где бы, где бы?

И, на орбиту поднимаясь,
Чтоб заработать нарядные,
Герои Марса, чертыхаясь,
Сбивают «Фобосы» земные.

Вот и решили мы загадку
Потери станций межпланетных.
На Марсе жить весьма несладко,
И это по всему заметно.

Во время Противостоянья
Хочу, чтоб вся Земля узнала:
На Марсе — прочим в назиданье —
Нет жизни! Или очень мало...

август 2003

ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ Практически попутная песня

*Поется на известный мотив, а последнее
четверостишие — на другой известный мотив.*

На далеком горизонте
Не бывал я никогда —
Средства транспорта в ремонте,
Что курсируют туда:

Две дороги середина,
Там застряли навсегда —
Нет, не «Дон» и «Магдалина»,
А «Литаник» и «Веда».

Из города Чулуева
Всегда по четвергам
Топор плывет (и ну его!)
К далеким берегам,

Плывет топор в Бразилию,
Две Педров изобилие,
Хоть хорошо в Бразилии —
Туда не надо нам.

Не найдете вы на свете,
Не ступив за горизонт,
То местечко на планете,
Две гуляет мастодонт.

А в солнечной Бразилии
Искал зверюгу Бонд —
Но тщетны все усилия:
Не найден мастодонт!

От Мухоморанской пристани
По пятницам с утра
Идут суда с туристами —
Баржи и катера,

Взяв лоцию детальную,
В державу чуждедальнойю,
В страну Горизонтальную
Плывут они — ура!

Птицы редкие — пингвины —
По полетам мастера,
Долетят до середины
Даже славного Днепра;

Долетят до горизонта! —
Если только им платить,
И на это средства фонда
Пенсионного пустить!

От Тель-Авивской пристани,
Лишь кончится шабат,
Пингвины золотистые
Летят, летят, летят...

...

И свист издают молодецкий...
А мне ни к чему этот понт,
Не нужен мне берег турецкий,
И к дьяволу ваш горизонт!

сентябрь 2003

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАГДИЯ

Давно это было — в начале времен,
Еще до монгольского ита;
Таялся за кажтым пригорком дракон,
И в каждом болоте — пиннига.

И люди с опаской ходили в леса;
А ведем-то было немало:
Гора, что была неизменно лыса,
Близ всех поселений стояла.

Но в каждой деревне был свой чародей
В ответе за слово и дело,
Он зелье варил для защиты людей,
И зелье ужасно смердело.

И все поселяне послушно несли
Еду и питье старикану,
А он становился на благо земли
С рассвета к кипящему чану.

А вечером он уходил за село,
Бранясь и пылая отвагой,
В поход еженощный на мерзкое зло —
С мешком и огромной бакалагой.

Он зельем и горы, и доли кропил,
Леса, буераки и нивы,
Чтоб змей трехголовый во мрак отступил,
Чтоб лешие стали учтивы.

Обратно кудесник явился к утру
С бакалагой пустой и сумою;
Качало беднягу слетка на ветру —
Да, тяжко бороться со тьмою!

Шептались селяне: «Ох, много он жрет...»
Росло средь общины роптанье.
Твердили: «Уж очень немалый расход
Выходит на это питанье...»

Убитков от леших не вида давно,
Завидуя трапезам деда,
Сказали селяне: «Ну что ж, решено —
Не будем кормить дармоеда!»

И то же случилось в селеньях других,
Кудесников выгнали в шею;
Ни мяса, ни браги, ни корок сухих
Не стали давать чародею.

Ушли колдуньи от людей навсегда,
Сокрылись в лесную пучину...
(Один как-то вышел — в другие года —
И князю накаркал кончину.)

Но странно! Драконы не стали наглей,
И ведььмы встречались всё реже;
И нежить из леса, и мары с полей
Пропали! О где же вы, где же?

Да, нечисти нету — ни той, что важней,
Ни мелочи, рвани и голи.
И люди без встреч неожиданных с ней
Скучали — и в чаще, и в поле.

«Куда вы девались?» — спросил как-то раз
Прохожий, увидев пиннигу.
Она прошептала: «Зачислили нас
В Заветную Красную Книгу.»

Давно уже наша судьбина — не та,
 Никто нам не носит бакалаг,
 Никто нам не носит в мешках ни черта,
 Мы голодны, сирьы и наги.

Не видим кормежки от местных племен —
 И мы вымираем, прохожий!
 Да ты же и вправду, выдашь, оторчен —
 Стоишь с опечаленной рожей...»

Прохожий ответил: «Я нынче иду
 К великому князю в столицу,
 Ему я поведаю эту беду,
 И ведаю: он оторчится.

Кормить вас, я знаю, он будет не прочь,
 Как прашурьы прежде кормили.
 Спасем вас! Обязаны люди помочь
 Нечистой беспомощной силе».

И он запатал, постешая, опять;
 Но рок поджидал торопыгу:
 В болоте утоп — и не смог рассказать
 Он князю про Красную Книгу.

Несчастливая нечисть исчезла с земли,
 Пред смертью скула от обиды...
 Так в Красную Книгу навеки ушли
 Древнейшие редкие виды.

декабрь 2004

ЗА ТРЕМЯ ЗАЙЦАМИ

...есть лапки семерики, особенно
 плетенья,
 в семь строк...

В. И. Диль

Сколько бы веревочке ни виться,
 Доведа до леса озорница,
 Но не сразу — малость истомя...
 Там, где бронепоезд не промчнется,
 Мчатся зайцы голову сломя.
 За двумя гоняться не годится —
 Потонюсь, пожадуй, за тремя.

Первый — бац о землю! — и с разбегу,
 Позабыв и альфу, и омету,
 Взвился мелким бесом к небесам;
 А второй к неведомому брегу
 Варут полпыл, не понимая сам,
 Где отныне быть его ночлегу
 И зачем дал волно парусам...

Ну а третий поглядел уныло
 (Бегство непрерывное постыло),
 Прикорнул тихонько под кустом;
 Шило ни к чему менять на мыло,
 Понял он: сейчас или потом
 Попадется маленький ловчила,
 Не сумеет обмануть финтом...

Но не вышло из меня злодея.
 Потропить дичину не умея,
 Опустил — и пусть не держит зла.
 До чего же глупая заеда!
 Так и не узнаю, где была —
 В том ли, в этом зайце — смерть Кошеч,
 Вечная для примуса игла?

Но не зря я навещал дубраву,
 Не напрасно совершал облаву,
 Хоть не пойман косоглазый плут...
 Вижу зайцев целую ордаву,
 Их победный, радостный дебют:
 Эти — в вышине парят на славу,
 Те — под алым парусом плут.

март 2005

НАПУТСТВЕННОЕ

Когда покинешь сызнова берлогу,
 О сброшенном с телеги — не жалея;
 Неотменима плата за дорогу:
 Порою штраф, порою — тяжелей.

Не сбережешь ни доброго, ни злого,
 Не скроешь ахиллесову пятку,
 И воровьем сорывавшееся слово
 Ты топором не срубишь на лету.

Не верь, что всякий встреченный — подмога:
 Не каждый — донкихот и доброхот.
 Когда-нибудь закончится дорога,
 Тогда и подчитаешь свой расход...

март 2005

О ПОЛЪЗЕ ПОЗДНЕГО СОЗРЕВАНИЯ

Вечер своего девяностолетия Сергей Васильевич Шервинский проводил сам. Поскольку первые его стихи и переводы увидели свет лет за семьдесят до того, мы и сосчитать не пытались — сколько же у него «творческого стажа». А он красовался перед аудиторией, рассказывая о том, как лишь в 60-е, в 70-е годы XX века явилось ему истинное понимание поэзии, — вот и пришлось заново переводить, скажем, «Метаморфозы» Овидия.

— Я та самая капуста, которая поспевает к октябрю, а то и к декабрю. Как мне жаль порою, что мне не шестьдесят лет! Не семьдесят! И я не могу еще раз, заново начать всё сначала...

Девяносто лет исполнилось Шервинскому в 1982 году. В том же году математику Сергею Шоргину исполнилось тридцать лет. Ни о какой поэзии он не помышлял, — стихи пришли лишь в сорок семь. Сергей Шоргин, профессор математики, накануне собственного пятидесятилетия стал писать стихи. Математик, понятно, сперва прельдился диметриками, пентаграмми, «бескрылками» и прочими ипрями. Но рано или поздно начнешь писать всерьез.

Когда летом 2003 года Сергей привез из Парижа цикл, обращенный к святой Женевьеве, я с садомазохистским удовольствием подумал: «Еще один погиб». Было ясно, что стихи Шоргин только писать начал поздно, но очень-очень быстро свое оставание наверстает.

И пошло-поехало. В 2003 году друзья Сергея издали в Крыму в мажорском издательстве невообразимо смешной поэтический водевиль «Хамлет, принц Гадский». Вышла там же и тогда же еще одна книга, эдакая сборная солянка из стихов и переводов. Интернет стал захлебываться от хохота, читая «Балладу о Трын-Цветке» — самую смешную стилизацию Киплинга из написанных по-русски. Стали плодиться циклы пародий. И все-таки главных жанров оказалось два: поэтические переводы и собственно стихи.

Читатель есть, известность есть. Пора и книгам выходить. Пользуясь тем, что наш сайт «Век перевода» выступил прошедшей зимой свою первую антологию, мы решили продолжить ее «Библиотечкой “Века перевода”». В ней будут выходить и переводные книги, и оригинальные, — своя рука владыка, цензуры над нами нет. Справедливо, что в обоих жанрах первые книги выходят у Шоргина — ибо он из нас, из поэтов «Века перевода», по выражению историка С. М. Соловьева, «более других трудился».

Евгений Викторовский

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3

КАК ПИШЕТСЯ

СНДЖК	4
КАК ПИШЕТСЯ	5
Я НЕ ПИСАТЕЛЬ.....	6
Я ПЕРЕВОЖУ	7
ГРАФОМАНИЯ	7
САМОРАЗДЕВАНИЕ	8
НАВЕЯННЫЙ СОНЕТ	9
БАЙТЫ НЕ ГОРЯТ	9
МНОГО-ТОЧИЕ	10

К ЗАБЫТЫМ СЛОВАМ

ЭХО.....	11
ИЗ ПРИЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХ	14
ВОСЕМЬ СТРОК О ТЕБЕ	15
МОЕМУ ОТЦУ	15
Я ПРИШЕЛ ИЗ ВЧЕРА	16
ЗА МИЛЛИАРД ЛЕТ ДО КОНЦА ДОРОГИ	17
ИЗ ПЕРЕПИСКИ	19
НАВЕЯННОЕ	20
ЗАБЕЖИЙ АКРОБАТ (<i>снова перьев</i>)	21
«Пса черного отмою добела...»	21

ОТЪЛЕСКИ ОГНЯ

СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЕ	23
ЕРУСАЛИМ	25

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ	28
ЭНЕИ	29
АГАСФЕР	30
ПО ПУТИ В ДАМАСК	31

НОВЫЕ ВАВИЛОНЫ

ПИСЬМА МОСКОВСКОМУ ДРУГУ	33
ЕЩЕ РАЗ О СКИФАХ	35
ПОБЕДИТЕЛЬ	37
ЦЕНА ПОБЕДЫ	39
1 СЕНТЯБРЯ 2004 ГОДА	41
ВОСЬМОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО	42
СОБАКА. <i>Сценарий фильма ужасов</i>	43
ТЕПЕРЬ — ДАЛЕКО	44
КОНЕЦ ПОНЕДЕЛЬНИКА	44
ВАВИЛОН	45

КОНКРЕТНЫЙ АПОКАЛИПСИС

СТРАННЫЕ СТАНСЫ	47
ОЖИДАНИЕ САТАНЫ	48
КРИВАЯ ВЕРТИКАЛЬ	49
КОНКРЕТНЫЙ АПОКАЛИПСИС	49
ЗА ЧЕРТОЙ	51

СМЕНА ВРЕМЕН

ЩЕНОК	52
ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ	53
НОВОГОДНЯЯ ТАЙНА	54
НЕОПОЗНАННАЯ ЗВЕЗДА	54
«Все лучами полно неурочными...»	56

ВЕДА	56
МАРТОВСКОЕ	57
ЗОЛОТАЯ РЫБКА	57
ТИХЕ	60
ЭТОД	60

ЗЕРКАЛО ДОРОГИ

«Огряженный довелось увидеть много...»

РАЗВИТИЕ СЮЖЕТА

БАЛЛАДА О ТРЫН-ЦВЕТКЕ (<i>почти по Киллингсу</i>)	63
ЙИЦО ВСЕЯВЛАСТИЯ (<i>Киллинго-Толкино-народное</i>)	65
БАЛЛАДА О ПТИЦАХ	67
БАЛЛАДА О ПТИЦАХ — 2	70
ЭФГЕНИ-ПАША. <i>Рубайат</i>	72
<i>Сочинение Исхандера Мортмур-заде</i>	72

ЗА ТРЕМЯ ЗАЙЦАМИ

ЯМЫ НИ О ЧЕМ	82
ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ НА МАРСЕ?	82
ТАМ, ЗА ГОРИЗОНТОМ. <i>Практически полутная нестя</i>	84
ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ	86
ЗА ТРЕМЯ ЗАЙЦАМИ	89

НАПУТСТВЕННОЕ

«Когда покинешь сызнова берлогу...»	91
<i>Евгений Витковский. О пользе позднего созревания</i>	92

Шоргин Сергей Яковлевич

Зеркало дороги

Книга стихов

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина

Корректор В. Резвый

Подписано в печать 15.05.05. Формат 84х108/32

Бумага офсетная. Гарнитура Парамонд

Печать офсетная. Печ. л. 3.

Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (095) 676-30-84

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а